

Николай Пирогов

Знакомьтесь: Черняев

Рассказы. Москва. 2014

Главный герой этих небольших рассказов, Иван Черняев, попадает и в забавные, и в печальные ситуации. Читатель наверняка проникнется симпатией к этому неординарному человеку, наиболее активная часть жизни которого пришлась на советский период.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ВРЕДИТЕЛЬ

"Хорошо быть молодым", – думал Черняев, заведующий отделением совхоза, сидя в компании таких же, как он, молодых и здоровых мужиков. Было воскресенье, день не рабочий, ранняя осень, тепло, солнечно. Урожай убрали, и поэтому, могли себе позволить немного отдохнуть. И повод был: их отделению по итогам работы за второй квартал вручили

переходящее Красное знамя района. К нему и премия была положена.

Примета есть проверенная – не отметишь это событие как положено, – не получишь больше знамя, хоть расстарайся. Взять, к примеру, соседнее отделение. Хорошо работают, слов нет. А на знамя уже давно как-то не вытягивают. Заведующая у них, Зинаида Петровна, не любит застолья. Мужики, как выпьют, глупости норовят говорить, не управишься с ними. В позапрошлом году получили знамя, объявили об этом на собрании, а праздновать не стали. И вот с тех пор как заклинило, другие получают, а они – нет.

Но у Черняева на этот счет все думали правильно. Отложили торжество: некогда было. А сейчас вот собрались. Решили – лучше без жен. Чтобы не обидно было, всем женщинам велено было остаться дома. Мужикам и без жен есть о чем поговорить.

Смотрел Черняев на своих соратников и радовался: это были его кадры, он их выдвигал, поддерживал. Ему самому было

тридцать лет, а его бригадирам, заведующим фермами – и того меньше.

Сидели на берегу реки. Был там хороший уступ, ровный как стол. Удобно устроились. Травили анекдоты. О работе старались говорить поменьше. По части анекдотов был большой мастер заведующий племенной свиноводческой фермой Петро Штеменко. Откуда он их брал, никто и понять не мог. Живет вместе со всеми, никуда не ездит, а как соберутся человека три, так он им новый анекдот и залепит. Вот и сейчас рассказывает их один за другим, веселит народ. И анекдоты-то не абы какие, а на близкие всем темы.

«Заболел ветеринар – начал он очередной анекдот, – температура высокая, плохо ему. Жена, как положено, позвала врача. Врач пришел, спрашивает больного: «Что болит?» А тот молчит. «Какая температура?» Опять молчит и к стене отвернулся. Врач к жене: «Он что, немой?» – «Да нет, что вы. Какой же он немой?» Тут ветеринар заговорил: «Ты хорошо устроился. Все тебе расскажи. Этак и дурак

вылечит. Я вот лошадей, коров лечу. Они-то мне ничего не говорят!»

Слушатели засмеялись, а Петро продолжил: «Врач крикнул: «Ладно», – говорит. Осмотрел больного и стал писать рецепт. Дает листок жене: «Получите в аптеке лекарство, разведите в воде в ведре литров на десять, давайте больному по две кружки перед едой. Если через три дня не поможет – заколоть!» Хохотали все. Просили: «Ну, Петро, давай еще!»

Новый анекдот Петро начать не успел. Издалека заметили машину. Дорога была одна, и машина ехала, конечно, к ним. Замолчали, подумали: «Что-то случилось». ГАЗик подъехал прямо к их «столу». Из него вышли двое – директор совхоза и секретарь райкома партии. Вид у них был озабоченный и торжественный. Поздоровались, пригласили к столу. Гости не отказались. Выпили по стопке, закусили.

«Ну, орлы – сказал секретарь – привезли мы вам хорошую весть. У вас молодежный коллектив, все вы члены партии, и поэтому мы решили, что с задачей государственной

важности вы справитесь. По распоряжению Никиты Сергеевича, министерство закупило за валюту в Америке трех хряков очень подходящей для нас породы. Элита! Центральный Комитет с министерством решили отдать их в нашу область, а область выбрала наш район, а уж тут мы с Василием Сидоровичем, – он показал рукой на директора совхоза, – посчитали, что вашему отделению доверить эту работу можно. Задача – обеспечить элитной спермой хозяйства области. Так-то вот. Вся работа будет контролироваться Центральным Комитетом. Повезло вам, мужики, вертите дырки в пиджаках, награды за это не пожалеют. Ну, что, как вы на все это смотрите? Какое твое мнение, Иван Федосеевич?» – «Благодарю за оказанное нам доверие. С задачей справимся», – с чувством ответил Черняев, прижимая руку к сердцу.

«Все детали обсудим завтра на совещании» – сказал, прощаясь, директор совхоза. Машина с гостями уехала. Черняев посмотрел на Штеменко: «Петро, тебе этим

делом заниматься, так что давай вместе думать, как его получше организовать». Веселье закончилось, решили ехать по домам.

Через неделю привезли этих хряков. Их сопровождал на машине инструктор райкома партии. Хряки были действительно загляденье. Их внимательно осмотрел ветеринар. Ни одного дефекта не обнаружил. Разместили свиней в специально подготовленном загоне. Несколько дней они должны проходить акклиматизацию, отдыхать, а затем – за работу. Были заготовлены специальные рапортчики, которые надо было заполнять ежедневно и отсылать в райком. Начальство постоянно напоминало, что этим делом интересуется сам Никита Сергеевич.

Черняев потерял покой. Племенных хряков в его отделении было больше сотни и забот с ними никаких. Но эти трое отнимали все его время. Каждый день в отделении были какие-то комиссии, чуть не каждый час – телефонные звонки

отовсюду. Звонили даже из Москвы. Всех интересовало состояние дел.

День начала отбора спермы приближался. Обставлено все было торжественно. Событие это можно было сравнить с пуском объекта в эксплуатацию на строительстве: все готово, разрезают красную ленточку, и начинается выпуск продукции.

Ленточки здесь не было, но начальства собралось достаточно, никак не меньше полутора десятков. Технология этого дела была вроде бы несложная: хряк вскакивал на макет, думая, дурачок, что это настоящая свинья, а дальше все происходило как и в естественных условиях, только сперма попадала не туда, куда положено, а в специальную колбу. Отработавшего хряка отправляли обратно в загон, а сперму хранили в особых условиях и развозили ее потом по хозяйствам для искусственного осеменения. Экономисты подсчитали, что сперма этих хряков обойдется стране раза в три дороже, чем золото.

Черняев чувствовал себя именинником. Все проверил, рассчитал, предусмотрел, ничего вроде бы не забыл. И вот выводят первого хряка. И нет, чтобы ему выйти из свинарника, как все свиньи ходят, так нет же – стал мотаться из стороны в сторону и у самого косяка ворот, где никогда не ступала нога ни одной скотины, попал задним копытцем в еле заметное углубление, провалился и сломал ногу. Открытый перелом. Орал так, как будто ему хвост по частям отрубали.

Это был неожиданный удар. Меры, конечно, приняли. Хряку, как положено, оказали помощь. Ногу заделали в шину, сняли боль, и он лежал теперь в своем загоне. Будь это другой, наш, советский хряк, с ним бы не церемонились, живо бы отправили на мясо. А этого надо лечить. Но все понимали, что он вышел из строя надолго, если не навсегда.

Комиссия была в трансе. Черняева не ругали, его жалели, а это было еще хуже. Решили коллегиально, что сообщать об этом пока никому ничего не нужно, как

будто бы к работе еще и не приступали. Наметили проверить все, что можно, еще раз и через два дня начать дело заново с другими хряками. На этом и разошлись.

Черняев пришел домой чернее тучи. Жена уже знала о неприятности и молча жалела его. Черняев хлопнул без закуски стакан водки и лег спать. Ночь провел тревожную: снились свиные рожи, которые почему-то участвовали в различных эпизодах, описанных Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Всю ночь пришлось вертеться между ними. Проснулся весь в поту, уставший, не отдохнувший.

С утра опять занялся этими хряками, наперед выдумывая, какие еще могут быть случайности. Два дня пролетели быстро. И вот снова собралась комиссия. Праздничного настроения уже нет, в воздухе висит какая-то напряженность. Выводят очередного хряка. Он благополучно миновал ворота, на которых застрогали рубанком все шероховатости, подошел к макету, который, как положено,

обеспечили знакомым ему запахом, возбудился, разъярился и с небольшого разбега вскочил на макет, который ... о, ужас! развалился под ним вдребезги.

Хряк такой реакции от любовного партнера не ожидал. Комиссия – тем более. Упал он, больно ободрав живот об остатки разрушенной деревянной конструкции. Члены комиссии остолбенели. Черняев чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Никто его уже не жалел. Если с первым хряком был просто несчастный случай, рок какой-то, то ответственность за второго хряка начальство повесило на Черняева. Досталось и директору совхоза.

Черняев понимал, что виноват. Надо было предусмотреть, предвидеть, знать, наконец, что раз американский хряк тяжелее наших пуда на три, то и конструкция должна быть мощней.

О неудаче с забором спермы пришлось сообщать в область. Доложили ли в Москву, никто не знал, но из обкома партии приехал на следующий день

инструктор и контролировал теперь каждый шаг местных руководителей.

В ударном порядке ночью построили новый великолепный макет. Проверили его на всех режимах. Здоровенный скотник Василий с разбегу пинал его яловыми сапогами и сзади, и спереди, и с боков. Ведь кто знает, как его будет атаковать американец. Макет стоял не шелохнувшись. Попинал макет и директор совхоза, зло бормоча, что сам бы лучше сдал сперму на этом макете, лишь бы прекратилась эта нервотрепка.

Вывели вчерашнего хряка, а он ни в какую: даже подходить к макету не хочет. Делать нечего, сообща решили дать ему перерыв в три дня. Пускай все забудет и начнет любовь с макетом с чистого листа. Третьего хряка берегли, как зеницу ока, он оставался как бы резервом главного командования, последней надеждой.

Все страдали от неудачи, Черняев – больше всех. Ветеринар и Петро Штеменко, на ферме которого и происходили все эти события, решили

исправить положение. Ветеринар в спешном порядке просмотрел литературу по технологии искусственного осеменения и вычитал, что дело можно исправить просто – случить хряка с настоящей свиноматкой и после этого тот должен забыть свои неприятности с макетом и все наладится. Сказано – сделано. Задуманная операция прошла прекрасно. Хряк выполнил свои обязанности без всякого принуждения.

Прошло три дня. Хряк, так прекрасно работавший с живой натурой, к макету не хотел и приближаться. Как ни бились, ничего не получалось. Кто-то из персонала фермы протрепался про метод восстановления, который применили к хряку Петро с ветеринаром. Высокая комиссия, единодушно осудив их «метод», весь гнев обрушила на Ивана Черняева, в хозяйстве которого нет никакой дисциплины и каждый делает, что хочет, не понимая важности государственной задачи, которую им поставило руководство страны.

В общем, дело было дрянь. Оставалась последняя надежда – третий хряк. Все это время ему давали лучшие корма, у загона постоянно дежурили, сменяя друг друга, свиарки, чтобы не дай бог чего-нибудь не случилось. Наконец, решили пустить его в дело.

Хряк 3-й, как уважительно называли его члены комиссии, повел себя правильно. Обойдя макет и шумно понюхав, где надо, прореагировал, как нужно, показав всем свое великолепное достоинство. У комиссии отлегло от сердца: ну, слава богу, все, видно, закончится благополучно.

Без промедления хряк оседлал макет, но тут же с визгом спрыгнул с него и стрелой помчался в свиарник. Ветеринары бросились разбираться с животным, а начальство – к макету. И увидели то, что трудно было и предположить: та трубочка, которая вела к колбе, выложенная мягким материалом, имела небольшой дефект – внутрь загнулся уголок этого материала и, намазанный клеем, затвердел. Нетрудно

представить, как пострадал основной инструмент бедного хряка.

Все поняли, что это конец. Задание партии и правительства сорвано. Исправить ничего нельзя. Руководству района осталось одно – определить виновных и наказать их. Кто главный виновник – ясно всем. Это Черняев. Он это хорошо понимал и готов был понести наказание. Но когда на следующий день его вызвали в райком и сказали, что Москва требует главного виновника исключить из партии и снять с работы, все нутро его восстало против такой несправедливости.

Первый секретарь на официальной беседе вел себя так, как будто и не было никогда с Черняевым никаких хороших разговоров, как будто не хвалили его в газетах, не присваивали переходящих знамен его отделению. Мало того, назвал Черняева сельскохозяйственным вредителем. Хотел было Иван возразить, что, во-первых, он не вредитель, а, во-вторых, так называют вредных насекомых,

а не людей. Но вовремя сдержался: в его положении спорить – себе хуже делать.

Приехал в село и сразу же пошел в медпункт. Болезнь выдумывать не надо было: сердце колотилось так сильно, что, казалось, выскочит из груди. Сделали кардиограмму и велели лежать и не шевелиться. Это был сердечный приступ.

Прошло несколько дней и в газетах появилось сообщение об Октябрьском пленуме ЦК КПСС, который отстранил Хрущева от власти. Москва сразу потеряла интерес к делу с хряками. А что касается дальнейшей судьбы этих американских свиней, то первый хряк выздоровел. Кость на его ноге срослась удачно, и он долго и успешно трудился на благо отечественного сельского хозяйства, отдуваясь, видно, за своих неудачливых собратьев, которые так и не приобрели нужной кондиции.

ДЕЛО С ТРУБОЙ

Ивану Черняеву здорово не повезло. Накануне праздника 7 ноября он попал в инфекционный корпус больницы.

Причиной, как выяснилось позднее, послужило обычное отравление каким-то несвежим продуктом. Но по жестким медицинским правилам нужно было пробыть в больнице до тех пор, пока анализы не покажут отсутствие вредных бактерий. Ну, а если инфекция обнаружится, то делать нечего – надо проходить курс лечения.

В общем, лежит он в больнице здоровехонький, книги почитывает и соображает, как бы уговорить врачей отпустить его поскорее домой. И не думал он, и не гадал, что в ближайшее время ждет его испытание, которое надолго ему запомнится.

Каждое утро проводился врачебный обход. Доктора беседовали с больными, контролировали ход лечения. Это были квалифицированные специалисты, многие из них преподавали, имели студентов и аспирантов. Перед обходом некоторым больным очищали кишечник. Няньки по-современному называли эту процедуру "клизмотроном".

Вот как-то во время очередного обхода в палату, где лежал Черняев вместе с пятью такими же бедолагами, зашел врач, ну просто вылитый доктор Айболит, как его рисуют в книгах Корнея Чуковского: пожилой, седенький, лысенький, в очках, необычайно шустрый и говорливый. А с ним группа студентов, а вернее – студенток, парень среди них был всего один.

Айболит еще в коридоре что-то им рассказывал о методах исследования прямой кишки. Войдя в палату, продолжал свои объяснения, по-ученому называя приличных размеров стеклянную трубу, которую несла одна из студенток. Обвел глазами палату, поверх очков внимательно разглядывая лица больных, остановил взгляд на Черняеве со словами: "Ну вот давайте попросим этого молодого человека. Вы ведь не против провести небольшое обследование?" – и он показал рукой на Ивана. "Да нет, не против", – сказал тот, не подозревая, что его ожидает. "Тогда встаньте, пожалуйста, повернитесь спиной

к окну, обопритесь на стульчик, наклонитесь". Он установил тело Ивана в нужное положение.

"А теперь, Виктория, – он обратился к одной из студенток, – сделайте то, чему я вас только что учил". Выбор Виктории был не случаен. Это была невысокая, ширококостная, грудастая девица. Имя Виктория ей явно не подходило, больше соответствовало бы Матрена, Марфа, Агафья. Она сноровисто спустила с Черняева больничные трусы, поскольку необходимой прорези на них не было. Быстро чем-то смазала стеклянную трубу и стала вставлять ее в задний проход Ивана. Айболит при этом ласково гладил его по спине и тихим голосом убеждал не волноваться и максимально расслабиться. Дескать, все больные проходят это исследование, а вы, коллега, (знал, оказывается, гад, что Иван – аспирант,) еще и пользу принесете, участвуя в обучении студентов.

Иван не успел, как говориться, и глазом моргнуть, как Виктория засадила ему эту

трубу до предельной отметки. А после этого, как позднее рассказывал Иван своим друзьям, началось форменное издевательство. Первым в трубу заглянул Айболит, предварительно дав команду зафиксировать положение тела пациента, что и сделала Виктория и единственный парень-студент. Смотрел он недолго. Опытный, садист. А потом предложил заглянуть в эту трубу студенткам, по ходу дела давая им пояснения.

Девицы по очереди смотрели в трубу, а Иван в это время созерцал их лица, видя все в перевернутом состоянии на фоне своих гениталиев. Картина была, конечно, неповторимая.

После третьей студентки Иван заорал, чтобы прекратили это издевательство, а то он вырвет эту трубу и разобьет ее о башку профессора. Айболит, видно, предполагал такую реакцию и вежливо пояснил, что еще никто самостоятельно не смог прекратить подобное исследование и что коллега оказал бы ему большую услугу, если бы

разрешил попрактиковаться еще всего двум студенткам.

Иван злобно молчал. А молчание, как известно, – знак согласия. И вот одно за другим он увидел два довольно симпатичных личика. Одному подмигнул, а другому скорчил рожу.

Айболит, наконец, на пару с Викторией освободили Ивана от инородного включения в его молодой организм. Сил, чтобы скандалить, у него не осталось. Пока он приходил в себя, медики быстрехонько покинули палату.

После такого издевательства над личностью, как Иван с гневом определял это исследование в кабинете главного врача спустя полчаса, он совершенно неожиданно получил разрешение покинуть больницу. Айболит, оказывается, уверенно заключил, что пациент здоров.

ОСТАНКИНСКАЯ БАШНЯ

Мои коллеги-аспиранты, как и все молодые люди, любили пошутить и посмеяться. Вот как-то в перерыве между занятиями стоим в коридоре у окна, курим и болтаем о всякой чепухе. Обычно в окно хорошо была видна Останкинская башня. А в тот день туман стоял такой, что башня исчезла, как будто ее и не существовало вовсе. Смеясь, говорим: "Мужики, башня упала что ли?" Кто-то в тон отвечает: "Упала. Пять домов раздавила". И в таком духе болтаем, собираясь уходить в свои "кельки" продолжать грызть науку. Но тут подходит новая смена курильщиков, и один из них спрашивает: "А чего башни-то не видно?" Попал он в резонанс. В физике, дай бог память, это явление возникает от совпадения амплитуд собственных колебаний и колебаний объекта, с которым соприкасаешься. От сложения их возникают огромные силы. В данном случае наши творческие силы возросли многократно, и все мы, переглянувшись,

стали вдохновенно врать, причем, очень складно и не противореча друг другу, хотя говорили горячо и возбужденно, нарочито перебивая говорящего. Играли просто великолепно. Даже сейчас по прошествии многих лет приятно вспомнить.

Наша версия была такая: "Да, башня упала, раздавила пять жилых домов. Людей спасают, количество жертв подсчитывают. Теле- и радиовещание переключили на Шаболовку. Но башня не разбилась. Конструктор Никитин заложил, дескать, такой запас прочности, что башню снова можно поставить на место. Обратились к американцам, так как у них есть краны на пневмоколесном ходу, груз поднимают на высоту более 200 метров. Американцы согласились нам помочь, два крана уже отгружают. О дальнейших событиях, связанных с башней, будут правительственные сообщения каждый час по радио. Следующее сообщение – в 13-00". Среди подошедших сразу

обнаружилось "слабое звено". Это был Иван Черняев, умный, толковый человек, будущий профессор. На удивление наш треп стал им восприниматься. Те, кто с ним пришел, все поняли и стали нам подыгрывать, выражая сомнение и вроде бы с трудом соглашаясь, подчиняясь нашей "логике".

В общем, одурачили мы Ваню. Эффект был поразительный. В 13-00 мы вместе с другими аспирантами подошли к этому же окну и слушали, как Ваня вдохновенно, подробно (многие детали сам добавил) рассказывал о происшествии с башней. В 13-00, конечно, никакого правительственного сообщения не было. Ваня понял, что его надули. Сначала был разъярен, а потом хохотал вместе с нами.

На примере этого случая видно, что внушить можно все, что угодно. А некоторые психологи доказывают, (и, как видно, не без основания), что не только что угодно, но и кому угодно, то есть практически любому человеку.

ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ

Английский язык мы изучали очень серьезно. В группе было 6 человек. Ходили на занятия, как правило, 4-5, а иногда и меньше. Бывало, что приходили только двое, а нередко и один. Этим одним несколько раз был я. Заниматься с преподавателем подряд 4 часа одному трудновато, да и неинтересно. Стою как-то у двери аудитории, думаю: "Черт возьми, опять один!" Вдруг вижу, мимо меня по коридору быстрым шагом идет, почти бежит Черняев.

- Ваня, привет, ты куда? У нас же сейчас английский!

- В Минсельхоз. Меня ждут, обещали дать отличный материал, он мне очень нужен.

- Ваня, ты с ума сошел! Ольга Леонардовна ("англичанка") сказала, что напишет докладную ректору, ведь ты пропускаешь уже четвертое занятие.

- Старик, что же делать-то? Объясни ей что-нибудь, соври.

- Да я и так заврался, уже не знаю, что и говорить!

- Как же быть? Не идти в Минсельхоз я не могу.

- А знаешь, Ваня, напиши ты ей письмо, по-английски. Ей понравится, она тебе все простит.

- Отличная идея! Только писать-то времени нет. Слушай, напиши ты за меня.

- Да нет, Ваня, пиши сам.

- Умоляю, напиши, я же опаздываю! С меня бутылка.

- Ладно, хрен с тобой, напишу!

- Ну, спасибо, выручил ты меня!

Минут через пять приходит Ольга Леонардовна и интересуется, где же другие аспиранты. Я рассказываю версию отсутствия каждого. Никакого письма я, конечно, не писал, да и времени на это не было. "Ну что же – говорит англичанка – будем работать с вами вдвоем".

Вечером Ваня спрашивает меня, как, дескать, дела-то с письмом, как

англичанка его восприняла? Я помолчал, сделал очень печальное лицо и говорю, что все очень плохо.

- Что плохого-то?

- Понимаешь, она сказала, что ты хам и что она это издевательство просто так не оставит и письмо передаст ректору.

- А что ты написал-то?

- Да я, вроде, написал все правильно. Объяснил, почему ты отсутствуешь, выразил сожаление, в конце - "Люблю, целую. Ваш Ваня Черняев".

- Да что же ты, гад, сделал?

- Ваня, я думал, так лучше. Женщина все-таки. Еще и не старая. Даже не мог представить, что так возмутится. Да, еще чуть не забыл тебе сказать, что в правом верхнем углу я написал: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" по-английски, конечно. Все-таки Академия-то у нас партийная. Посчитал, что так правильнее.

- Что же ты наворочал? Убить тебя мало! А мне-то как теперь быть?

- Да не волнуйся, на следующем занятии это дело как-нибудь уладим.

Ваня был разъярен и, очевидно, с удовольствием дал бы мне затрещину. Я же еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. С этим и расстались.

Но история, как оказалось, не закончилась. Ваня с трудом разузнал номер телефона англичанки и позвонил ей домой. Стал объяснять ситуацию насчет своего хамского письма. Подробно пытался рассказать о причине написания злосчастного пролетарского лозунга и искренне извинялся за фривольное изъятие любви.

Англичанка была обескуражена и, естественно, ничего не поняла из его сбивчивой и взволнованной речи. Сказала ему: "Иван Федосеевич, вы, очевидно, плохо себя чувствуете. Извините, давайте отложим разговор до завтра". И положила трубку.

Ваня провел очень тревожную ночь. Утром я ему, не зная, что он говорил по телефону с Ольгой Леонардовной,

рассказал всю правду. Вот тут-то он меня, действительно, чуть не убил. Но юмор он понимал, в результате нахохотались вдоволь.

СЕЛО РОДНОЕ

Почти каждый отпуск профессор Черняев заезжал хоть и ненадолго в село на Украине, где он родился. Предупреждал о приезде за день, за два телеграммой, а иногда и не предупреждал, приезжал – и здравствуйте, вот он я, встречайте. Рады были ему всегда. Ивану Федосеевичу также очень нравилось гостить в родном селе.

О его приезде почему-то быстро узнавала вся округа. Объяснялось это, видно, тем, что он был самым известным выходцем из их села, гордостью односельчан. Шутка ли, московский профессор, да не рядовой какой-нибудь, а из знаменитой Академии общественных наук.

На следующий день после приезда к нему в гости обязательно заезжало руководство района или местные колхозные начальники. Узнавали московские новости, рассказывали о своих событиях, но главная цель была – поговорить с умным человеком, о чем – не

так и важно. Зато после этого в разговоре небрежно так, мимоходом можно сослаться на профессора, вот, дескать, я с ним недавно беседовал и он сказал то-то и то-то. Выглядело это очень солидно и убедительно.

Вот и в этот раз Черняев еще потягивался в постели, что и неудивительно – было всего-то шесть часов утра, по городским меркам – раннее утро, а у ворот их дома, подняв пыль, остановился колхозный УАЗик. За рулем сидел председатель колхоза, могучий мужчина лет пятидесяти. Сестра Ивана уже давно хлопотала по хозяйству и поэтому встретила гостя у самой калитки и пригласила его в хату.

Профессор быстренько сполоснул лицо под умывальником и встретил гостя. Степенно поздоровались, прошли в горницу. Хозяйка накрыла стол, достала из шкафа литровую бутылку водки, привезенную братом из Москвы. Сама с мужем за стол не села: они свои, деревенские, с ними еще наговорятся, если

надо, а вот с профессором председатель когда еще погугарит?

Иван Федосеевич на правах хозяина налил водку в два больших тонкостенных стакана. Из более мелкой посуды пить спиртное здесь было не принято. Первый тост – понятное дело: "С приездом, Иван Федосеич!" Председатель выпил водку не торопясь маленькими глотками, профессор немного пригубил из своего стакана. Такими дозами пить он давно разучился.

Закусили огурчиками. Поговорили о погоде, видах на урожай, последних событиях в Москве. Профессор налил гостю второй стакан, себе долил до края. Второй тост ясен был обоим: "За здоровье!" Председатель и второй стакан выпил не торопясь, красиво, с удовольствием. Черняев, как и в первый тост, отхлебнул два глоточка, сморщился, на глазах выступили слезы. Закусили свежим салом с хлебом.

Продолжили разговор о новостях в столице, начали обсуждать международные дела. Иван Федосеевич стал было наливать

третий стакан, но председатель неожиданно отказался. Вдохнул с сожалением и объяснил: "Нэ можно большэ, Иван Федосеич! Комиссия з райкому приезжает в восимь часив!"

Сердечно распрощались. Профессор в очередной раз убедился, какие могучие мужчины живут на его родине.

СОДЕРЖАНИЕ

Сельскохозяйственный вредитель.....	7
Дело с трубой	22
Останкинская башня.....	28
Любовное послание.....	32
Село родное	37

Николай Пирогов. Знакомьтесь: Черняев.
Редактор-корректор Н.К. Ончурова. Дизайн
Ю.А. Пирогова. Компьютерная верстка
Ю.А.Пирогова.